

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.89>

Цзян Ин, Ли Синь

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ВАРИАНТА РУССКО-КИТАЙСКОГО ПИДЖИНА НА ПРИГРАНИЧНОЙ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

В статье рассматривается проблема взаимодействия русского и китайского языков на приграничной российско-китайской территории (Российская Федерация, г. Благовещенск; Китайская Народная Республика, г. Хэйхэ), где в качестве средства общения используется дальневосточный вариант русско-китайского пиджина. В работе анализируются его грамматические особенности. Исследование этого варианта пиджина показало, что он является не столько упрощенным языком, сколько результатом существенной перестройки двух взаимодействующих языков. Он возник и используется на лексической основе русского языка и грамматической основе китайского языка как языка изолирующего типа. Это модель контактного языка, обусловленная его прагматической функцией.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/6/89.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 6. С. 419-425. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999. 487 с.
11. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 672 с.
12. Михайлов О. Н. От Мережковского до Бродского. Литература русского зарубежья: книга для учителя. М.: Просвещение, 2001. 335 с.
13. Нахимова Е. А. Теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования прецедентных онимов в современной российской массовой коммуникации: дисс. ... д. филол. н. Екатеринбург, 2011. 411 с.
14. Новиков А. И. Доминантность и транспозиция в процессе осмысления текста // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001: сборник. М.: Азбуковник, 2002. С. 155-181.
15. Платон. Сочинения: в 4-х т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2006. Т. 1. 632 с.
16. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы / пер. с англ. Н. В. Воробьева. М.: ТЕРА – Книжный клуб; Республика, 2000. 388 с.
17. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Изд-е 2-е, испр. М.: ЛКИ, 2007. 368 с.
18. Фоякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л.: ЛГУ, 1990. 104 с.
19. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86-ти т. СПб.: Семеновская Типо-Литография (И. А. Ефрона), 1903. Т. 38 (75). 482 с.
20. Joseph H. W. B. An introduction to logic [Электронный ресурс]. URL: http://openlibrary.org/books/OL23306773M/An_introduction_to_logic_by_H.W.B._Joseph_.. (дата обращения: 19.03.2011).
21. Kripke S. Naming and Necessity [Электронный ресурс]. URL: http://socialistica.lenin.ru/analytic/txt/k/kripke_1.htm (дата обращения: 19.03.2011).

SEMANTICS OF PRECEDENT PROPER NOUN AND ITS SENSE VARIATION

Khudaiberdina Marina Uralovna, Ph. D. in Philology

Mamonova Elena Yur'evna, Ph. D. in Philology

Permyakova Kristina Valer'evna, Ph. D. in Philology

Perm National Research Polytechnic University

marina_x25@mail.ru; mamonovael@mail.ru; kpuctu@rambler.ru

In the article, the semantics of a precedent noun in the Russian-language works by I. A. Brodsky is analysed. The paper presents a comparison of scientists' points of view on the problem of an onym's meaning, as well as researchers' opinions on the semantics of a precedent noun. A new classification of precedent nouns in I. A. Brodsky's works is given, depending on whether the nouns have changed their meaning or retained it. In the process of classification, for the first time attention is paid to the author's and a reader's cultural encyclopaedias. Sense variation of precedent onyms in I. A. Brodsky's lyric works is identified and substantiated.

Key words and phrases: proper noun; meaning; precedent; onym; referent; metaphorical; primary; secondary; sense; variation.

УДК 81'282.8

Дата поступления рукописи: 14.03.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.89>

В статье рассматривается проблема взаимодействия русского и китайского языков на приграничной российско-китайской территории (Российская Федерация, г. Благовещенск; Китайская Народная Республика, г. Хэйхэ), где в качестве средства общения используется дальневосточный вариант русско-китайского пиджина. В работе анализируются его грамматические особенности. Исследование этого варианта пиджина показало, что он является не столько упрощенным языком, сколько результатом существенной перестройки двух взаимодействующих языков. Он возник и используется на лексической основе русского языка и грамматической основе китайского языка как языка изолирующего типа. Это модель контактного языка, обусловленная его прагматической функцией.

Ключевые слова и фразы: дальневосточный вариант пиджина; русско-китайский пиджин; морфологические и синтаксические особенности; русский язык; китайский язык; интерференция; язык изолирующего типа.

Цзян Ин, к. филол. н.

Ли Синь, к. филос. н., доцент

Хэйхэский университет, Китайская Народная Республика

ju83626@163.com; lixin558@aliyun.com

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ВАРИАНТА РУССКО-КИТАЙСКОГО ПИДЖИНА НА ПРИГРАНИЧНОЙ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

Статья подготовлена при поддержке гранта Департамента образования провинции Хэйлуцзян.

本文系2018年度黑龙江省省属高等学校基本科研业务费科研项目

«俄汉语言接触研究 – 以中俄边境地区俄汉皮钦语为例»资助。

На территории приграничных городов Приамурья (РФ) и провинции Хэйлуцзян (КНР) в условиях тесного контакта двух народов – русского и китайского – в настоящее время существуют различные способы языкового

взаимодействия, среди которых важное место занимает особый устный язык, получивший название «русско-китайский пиджин». Он представляет собой контактный язык, возникший в условиях рыночного общения.

Пиджин описывается в трудах многих русских и зарубежных лингвистов (В. Д. Бондалетов, 1987; В. А. Виноградов, 1990; Н. Б. Мечковская, 2000; Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин, 2004; Е. В. Перехвальская, 2006; Е. А. Оглезнева, 2007; Н. А. Жданова, 2014; Жун Цзе, 1998; Ян Цзе, 2007; Ма На, Дин Шудинь, 2011 и др.).

Большинство исследователей считают его «разновидностью смешанного языка, возникающего в результате необходимости общения на разноязычной территории» [1, с. 58]. При этом называются его основные черты. Он носит: а) «подсобный», вспомогательный характер; б) имеет ограниченные коммуникативные функции; в) упрощенную структуру; г) возник в «экстремальной» ситуации при остром дефиците общего для всех контактирующих средства языкового общения; д) не является родным ни для кого из говорящих на нем [1-3; 6].

Типичная ситуация возникновения пиджина – рынок, обмен товарами, торговля. Часто пиджин описывается как девиантный диалект, как «ломанный», «испорченный», «искаженный» язык [8, с. 9].

На начальном этапе исследования контактных языков изучение пиджина находилось на периферии лингвистики. Впоследствии ученые пришли к выводу о том, что изучение вариантов пиджина и других контактных языков является важным для теории и практики межъязыковых контактов, явления интерференции.

Существует множество вариантов пиджина, в том числе русско-китайского. Дальневосточный вариант русско-китайского пиджина широко распространен на приграничной территории РФ и КНР (г. Благовещенск и Хэйхэ). Он активно функционирует и является средством коммуникации в устном неофициальном общении русских и китайцев в ситуации рынка и торговли и некоторых других случаях, поскольку на этой территории, как правило, используются два языка – русский и китайский.

В такой коммуникативной ситуации носителями русско-китайского пиджина являются в основном китайцы. Русские пассивно пользуются им, говоря на своем родном языке с китайцами, но иногда вкрапляют в свою речь китайские слова, грамматически упрощают ее с целью быстрее быть понятыми. Например, совершая покупку, русский может спросить у китайской девушки-продавца: «*Куня (девушка), футболка чёрный есть?*». Или, например, употребить слова *чифанить* (от кит. 吃饭 *chifan* в значении «кушать»), *минбайнить* (от кит. 明白 *mingbai* в значении «понимать») и другие, где они, возникнув на базе китайского языка, используются в форме глаголов под влиянием грамматики русского языка.

Отношения между говорящими в ситуации рынка неофициальные, тональность общения нейтральная и дружественная, так как китайцам, говорящим на русско-китайском пиджине, нужно расположить к себе русского покупателя и продать товар или услугу, а русскому – купить необходимые товары, получить ту или иную услугу.

«Главные носители пиджина – китайцы (чаще являющиеся торговцами) – наиболее заинтересованы в коммуникации в силу профессиональной необходимости. Они стремятся к овладению русским языком только в той степени, которая необходима для общения в процессе торговли. Совершенно не нужно знать склонение существительных, если это не мешает, например, продать парочку свитеров. Они не обучаются русскому литературному языку, используют упрощенный разговорный язык» [5, с. 87].

«Коммуникация удастся – русский покупатель слышит пиджин, воспринимает его как искаженную русскую речь, понимает ее... Помимо вербальных средств в процессе общения используются невербальные: жесты, мимика, окружающий контекст» [Там же].

Китайцы на рынке своеобразно «обучаются» русскому языку, усваивают его в свободной разговорной среде. Они приобретают необходимые для общения минимальные лексические средства, типичные выражения, но думают на родном, китайском языке. На основе нового, усвоенного из чужого языка, и родного китайского языка создается и далее развивается пиджин.

Социолингвистическое исследование, проведенное нами в 2015-2016 гг., показало, что носители дальневосточного варианта русско-китайского пиджина представляют собой особую группу людей, плохо знающих русский язык (многие из них не знают русскую азбуку, не умеют читать и писать по-русски).

Актуальность исследования дальневосточного варианта русско-китайского пиджина обусловлена следующими факторами: восполнением имеющихся пробелов в изучении грамматических особенностей пиджина; дальнейшим развитием проблемы взаимодействия русского и китайского языков в современных условиях на приграничной территории; изучением процессов внутри- и межъязыковой интерференции.

Предметом настоящей статьи является грамматический аспект дальневосточного варианта русско-китайского пиджина, а именно описание его типичных морфологических и синтаксических особенностей, обусловленных межъязыковой интерференцией.

В **задачи** статьи входит:

1. Выявить типичные грамматические особенности дальневосточного варианта русско-китайского пиджина в исследуемом материале.
2. Сопоставить их с нормативными формами и конструкциями разговорного китайского языка.
3. Выявить их сходство и различие.
4. На основании выявленных черт сходства пиджина и особенностей китайского разговорного языка сделать вывод о грамматической основе контактного языка, функционирующего в качестве средства общения на приграничной территории (РФ, г. Благовещенск; КНР, г. Хэйхэ).

Научная новизна исследования состоит в том, что грамматический аспект русско-китайского пиджина как контактного языка, сложившегося и функционирующего в специфических условиях коммуникации

на приграничной территории в результате межъязыковой интерференции, изучен недостаточно. Установлено, что в процессе возникновения и функционирования пиджина его грамматическая система подвергается влиянию китайского языка, как языка изолирующего типа, названы его типичные грамматические черты с приведением отдельных иллюстраций, но не изучены и не исследованы грамматические особенности контактного языка в сопоставлении с конструкциями разговорного китайского языка, с нормами их употребления. В большинстве работ пиджин считается «упрощённым языком». По нашему мнению, это не столько «упрощенный язык», сколько результат перестройки двух контактных языков (русского и китайского), вызванной прагматической функцией языка. После прохождения стадии «прагматического кода» он приобретает, с одной стороны, лексические признаки русского языка, а с другой – грамматические характеристики именно китайского языка, как языка изолирующего типа. Настоящее исследование в известной мере восполняет имеющиеся пробелы в изучении грамматических особенностей дальневосточного варианта русско-китайского пиджина в сопоставительном аспекте.

Материалом для исследования послужили диктофонные записи, сделанные на рынках гг. Благовещенска и Хэйхэ в 2015-2018 гг. (на китайских и русских рынках, в торговых центрах, на базе «Дружба» в г. Благовещенске и др.). Звукозапись составляет более 10 часов. Кроме того, для сопоставления были использованы и материалы других авторов (русских и китайских), исследующих данное языковое явление [5; 7; 10-12].

В ходе исследования были отмечены типичные случаи межъязыковой интерференции в области морфологии, синтаксиса: отсутствие словоизменения, неразграничение частей речи, нарушение порядка слов, особенности синтаксических моделей, вопросительных конструкций, превалирование отдельных грамматических форм и мн. др.

Для примера приведем типичный образец речи на русско-китайском пиджине, записанный на рынке г. Благовещенска:

кит. – Мадаму! Класовки нада ни нада / все лазмела есьть!

рус. – Сколько стоит?

кит. – Тысичи писот лубли / тибе кака лазмела?

рус. – 38.

кит. – А ты купи кто?

рус. – Дочери.

кит. – Больша есьть! кака лазмела?

рус. – 38.

кит. – Во, таки лазмела можна! Как лаз!

рус. – Хорошо. Покажи.

кит. – Это халасо качисва / Пекин фаблицы / халасо и дешера / Купи!

рус. – Беру.

кит. – Наски нада? Сто лубли три штука, тожэ халасо!

рус. – А вместе с носками сколько будет стоить?

кит. – Вместити тысичи шысот лубли!

Помимо своеобразных фонетических черт, в образце речи можно отметить: отсутствие словоизменения; построение предложений по законам китайского языка; своеобразный калькированный перевод, обусловленный законами китайской грамматики с характерным для китайского языка порядком слов; употребление утвердительно-отрицательных вопросительных предложений, структура которых обусловлена влиянием китайского языка, и некоторые др.

По мнению исследователей, различные факторы обуславливают интерференцию русского и китайского языков в межкультурной коммуникации – это «культурные различия между языками, недостаточный уровень владения языком у контактирующих, неправильное толкование смысла оригинала, механический (побуквенный) перевод с одного языка на другой, недостаточность практических навыков в производстве текстов, социолингвистические параметры носителей разных языков и мн. др.» [9, с. 160].

Но главный из них – существенные различия между языками, в том числе и структурно-грамматические. Китайский и русский языки – это языки разных языковых семей. Различны они и по типологии.

Как известно, грамматика языка – это его формальный строй, противопоставленный звуковому (фонетическому) и словесному (лексическому) строю, который представлен разноуровневыми единицами языка. Грамматический строй любого языка своеобразен и охватывает собой: 1) законы и правила образования слов; 2) законы и правила изменения слов; 3) законы и правила соединения слов; 4) законы и правила построения предложений; 5) законы и правила сочетания предложений в более сложные грамматические конструкции.

Русский и китайский языки различны по грамматическому строю: русский язык – это язык флективного строя, это значит, грамматически все слова (или почти все) изменяются, в результате чего осуществляется связь между словами в предложении и словосочетании.

Самая главная черта китайского языка в сравнении с русским – это то, что в нем отсутствует или слабо развито словообразование; высока значимость порядка слов; слабо противопоставлены служебные (предлоги, союзы) и знаменательные (имена, глаголы) части речи; грамматические значения в нем выражаются иначе, чем в русском, при помощи фиксированного порядка слов, послелогов, счетных слов и многих других средств, в том числе лексических.

Типичные грамматические черты китайского языка в отличие от русского следующие.

1. У китайских существительных нет морфологических показателей рода, числа и падежа. Число имени существительного всегда уточняют в контексте через числительные или другие счетные слова. Род китайцы выражают лексически: через добавление слова 男 nán (мужской пол) или 女 nǚ (женский пол).

2. Чтобы уточнить позицию и значение существительного, в китайском языке используются служебные частицы, соответствующие русским предлогам. Однако в предложении они ставятся после существительных.

3. Глаголы в китайском языке тоже не изменяются по родам, числам и не спрягаются. Вид и время выражаются специальными суффиксами. Глаголы настоящего и будущего времени различаются и по отсутствию суффикса.

4. Китайский язык характеризуется широким использованием модальных глаголов, выражающих степень необходимости совершить действие. Они тоже не изменяются.

5. Не изменяются и китайские прилагательные. У них нет форм сравнения: сравнение выражается через использование дополнительных слов, т.е. лексически. Грамматически китайское прилагательное больше похоже на глагол, чем на имя: оно может выполнять в предложении функции сказуемого и подлежащего. Кроме того, прилагательные, как и глаголы, часто оформляются видовременными суффиксами.

6. Современный китайский синтаксис характеризуется строгим порядком слов в предложении, который не допускает никаких вариаций. Если порядок слов нарушен, то смысл предложения может исказиться.

7. При базовой схеме простого предложения на первом месте стоит подлежащее, за которым следует сказуемое и дополнение. Такая схема характерна для всех предложений, включая вопросительные. Порядок слов в распространенном предложении тоже соответствует базовой схеме и строится по определенным правилам.

Таким образом, отсутствие флективной морфологии (невывраженность синтаксических функций: отсутствие в самих формах слов выражения их отношений к другим словам), частая лексикализация грамматических значений, независимость форм друг от друга, определенные синтаксические свойства многих классов слов (расширение синтаксической валентности и размывание четких границ между ними) и другие черты китайской грамматики обуславливают его изолирующий характер.

Перечисленные грамматические особенности изолирующего китайского языка отмечены нами и в дальневосточном варианте русско-китайского пиджина, функционирующего на приграничной территории.

Охарактеризуем типичные грамматические особенности этого варианта русско-китайского пиджина на приграничной российско-китайской территории (РФ, г. Благовещенск; КНР, г. Хэйхэ), обусловленные межъязыковой интерференцией и влиянием грамматики китайского языка.

В анализируемых материалах отмечены:

1. Буквальный перевод китайского предложения. Например: *Ты хочешь какая цена?* (По какой цене ты берешь?); *Я знаю Москва, я ходила там* (Я знаю Москву, я была там); *Мадаму, я тебе халашо скидка делать!* (Женщина, я тебе сделаю большую скидку!); *Если ты купи, можешь дешеве!* (Если ты берешь, то можно подешевле).

Примеры подобного рода представляют собой дословный перевод китайской речи на русский язык («своеобразный калькированный перевод, обусловленный законами китайской грамматики с характерным для китайского языка порядком слов») [Там же, с. 154].

2. Частое употребление утвердительно-отрицательного вопросительного предложения. Например: *Кроссовки нада ни нада?* (Вам нужны кроссовки?); *Туфли нада ни нада?* (Вам нужны туфли?); *Футболка нада ни нада?* (Вам нужна футболка?); *Тебе нада ни нада?* (Тебе надо?); *Мацика нада ни нада? Да / Какой лазмела?* (Мальчику надо не надо? Да? Какой размер?); *Нада подешевле / ни нада? Пацём нада?* (Надо подешевле или не надо? Почему надо?); *Ты купи ни купи?* (Вы берёте или не берёте?); *Шапка мало ни мало?* (Шапка мала или не мала?); *Ты удобно или нет?* (Тебе удобно? Подходит или не подходит?).

Из разнообразных типов вопросительных предложений в разговорном китайском языке часто используются конструкции с утвердительно-отрицательной формой сказуемого. Этот тип вопросов используется для получения ответа «да» или «нет». При этом форма сказуемого повторяется, между повторением употребляется частица 不 bù в значении «не, нет». Сказуемое в таких предложениях может быть выражено глаголом или прилагательным.

Грамматические модели таких конструкций следующие: V + 不 bù + V; Adj + 不 bù + Adj. Например: *你要不要茶?* Nǐ yào bu yào chá? (буквальный перевод: Ты хочешь не хочешь чай?); *你的女朋友漂亮不漂亮?* Nǐ de nǚpengyou piàoliang bu piàoliang? (буквальный перевод: Твоя подруга красивая не красивая?).

Для утвердительно-отрицательного вопросительного предложения характерна редупликация, или повтор – повторение той или иной лексической единицы или грамматической формы, как в нашем случае, глагола или прилагательного. Повтор по сравнению с исходной единицей (без повторения) обладает новым, дополнительным значением грамматического порядка.

В русском языке таким конструкциям пиджина соответствуют вопросительно-повествовательные предложения, которые носят переходный характер от вопроса к повествованию. Они оформляются специальной вопросительной интонацией, словорасположением, вопросительными частицами, наречиями, местоимениями и т.д. Например: *Вы покупаете или нет? Вы идете или нет? Вы платите или нет?* и т.п. Конструкции (с повтором) типа: *Вы покупаете или не покупаете? Вы идете или не идете? Вы платите или не платите?* Не характерны для разговорной речи. Так, конструкция типа *Вы едете с нами?* означает: Вы едете или не едете?

3. Частое употребление китайского модального глагола «要 yào» вместо русского предиката «надо». Например: *нада не нада ничего?*; *Многа есть, нада не нада?*; *Нада не нада, пасматли!*; *Ты какая тавара нада?*; *Эта тавара ты не нада?* и мн. др.

В китайском языке существуют ряды модальных глаголов, в том числе те, которые обозначают волевой акт, желание или намерение. Значение модального глагола «*яо уао*» совпадает со значением русского предиката «надо» в безличном вопросительном предложении (*Что тебе надо?*). В китайском языке ему соответствует утвердительно-отрицательный вопрос, в котором используется модальный глагол «*яо уао*» и некоторые другие (能 *peng* – можно).

4. Отсутствие словоизменения в китайском языке ведет к употреблению одной словоформы русского языка во всех случаях общения на пиджине. Так, часто вместо нормативных форм русского языка употребляется только одна. Например: *Тебе хочу что?* (тебе = ты, хочу = хочешь); *Ты хочу какая цвета?* (хочу = хочешь, какая = какого); *Ты купи для муж или для ты?* (купи = покупаешь, муж = мужа, ты = себя); *Тебя падали муж* (тебя = ты, подари = подарить, муж = мужу); *Ты купи кто?* (купи = покупаешь, кто = кому).

Говорящий на пиджине не знает всей парадигмы словоизменения русских существительных, прилагательных, местоимений, глаголов и других частей речи. Они для него безразличны и не нужны в ситуации общения на рынке.

Как было указано выше, китайский и русский языки являются типологически различными языками. В китайском языке отсутствуют морфологические способы выражения грамматической категории падежа, рода, числа, спряжения и т.д. Их функции выполняют фиксированный порядок слов, предлоги и послелоги. Например, в русском предложении «*Какого цвета ты хочешь?*» грамматические значения выражены формами субъекта, предиката, объекта, определения, которые могут занимать различную позицию (ср., напр., *Ты хочешь какого цвета? Ты какого цвета хочешь?*).

В китайском языке грамматические значения выражаются строгим порядком слов. Субъект (подлежащее) + предикат (сказуемое) + объект (дополнение) (SVO) считается базовым порядком слов в субъектно-предикатной конструкции. В таких конструкциях определение обычно находится перед подлежащим и дополнением, обстоятельство перед сказуемым: 你要什么颜色? *Ni yao shenme yanse?*: 你 *ni* – ты (подлежащее), 要 *yao* – хочешь (сказуемое), 什么 *shenme* – какой (определение), 颜色 *yanse* – цвет (дополнение). Для передачи конкретного значения изменить данный порядок слов невозможно.

Это подтверждают примеры из дальневосточного варианта русско-китайского пиджина: *Тебе хочу что?* (вм. Ты хочешь что?); *Ты хочу какая цвета?* (вм. Ты хочешь какого цвета?); *Ты купи для муж или для ты?* (вм. Ты покупаешь для мужа или для себя?); *Тебя падали муж?* (вм. Ты подарить мужу?); *Ты купи кто?* (вм. Ты покупаешь кому?). Как правило, в таких конструкциях подлежащее стоит на первом месте, сказуемое – на втором, дополнение – на третьем.

Но иногда интерференция может идти и от русского языка с относительно свободным порядком слов: в таких случаях в пиджине имеют место конструкции с измененным порядком слов. Например, *Какая чаи ты хочу?*; *Каму нада лубли?*; *Какая цвета / Всё есть / Класна, чёлна всё есть / Что тебя надо?* и т.п.

5. Частое употребление одной части речи в значении другой (в европейском, русском понимании). В китайском языке, по мнению некоторых исследователей, нет четкого грамматического разделения слов по частям речи. Например, китайский исследователь Гао Минкай говорит «об отсутствии частей речи в китайском языке, исходя из утверждения о том, что части речи – это обязательно морфологизованные классы слов» [4, с. 50]. Вследствие этого слова могут свободно перемещаться из одной грамматической категории в другую. Пример из пиджина: *Куня, где длуа / Нету работа?* (Девушка, где твой парень? Он не работает?). Русское существительное *работа* употребляется в функции глагола: *не работает*.

Китайский аналог конструкции пиджина *Нету работа?*: 没有工作, где 没有 *meiyou* – нет (наречие), 工作 *gongzuo* – работа (существительное).

Другие примеры: *Это кожа обуфи / качисва очень холашо!* (Это кожаная обувь, очень хорошее качество!); *Нада цветы чай?* (Хотите цветочный чай?).

«В китайском языке не разграничиваются согласованные и несогласованные определения. Есть только один тип определений – “согласованные” (в русском понимании не по форме, а по смыслу)» [9, с. 182]. В данных примерах определения типа *кожа обуфи, цветы чай* выражены именными существительными (皮 *pi* – кожа, 花 *hua* – цветы) и стоят перед определяемыми словами (鞋 *xie* – обувь, 茶 *cha* – чай), они отражают грамматические закономерности в строении словосочетаний китайского языка: «...выступая в функции определения, различные части речи всегда стоят в позиции перед определяемым словом. Определение неразрывно связано с ним, при этом определительные отношения выражаются только порядком слов. Определение не согласуется (и не может согласоваться) с определяемым словом и всегда остается в одной форме. Тип связи между определением и определяемым словом выражается посредством примыкания» [Там же, с. 183]. И если в русском языке словосочетания имеют вид *обувь из кожи, чай из цветов* или *кожаная обувь, цветочный чай*, где главное слово управляет зависимым или согласуется с ним, то в китайском языке наблюдается только лексическая сочетаемость компонентов и строго определенный порядок слов.

6. Употребление побудительных конструкций, выражающих волеизъявление. Например: *Пасматли!* (посмотри); *Пакупай!* (покупай); *Это очень намагай здоловье!* (помогай); *Нада намелей!* (померяй); *Падали тебя муж!* (подари); *Гавали цена!* (говори); *Ты мало-мало прибавь* (прибавь); *Купи!* и др.

Как правило, побудительные конструкции и в русском, и в китайском языках выражают волеизъявление говорящего (призыв, приглашение к совместному действию, просьбу и т.д.). В ситуации рыночных отношений выражение волеизъявления актуально. Носители пиджина (китайцы-торговцы) призывают русских покупателей

совершить какое-либо действие: посмотреть товары, купить их, поменять деньги, примерить одежду, обувь, выбрать нужный размер, цвет и т.д.: *Пасматли не лалка* (не жалко); *На сматли* (смотри); *Мана пасматлите* (можно посмотрите); *моужна памеляй / моужна тараваци* (можно померяй, можно торговаться); *пасматли / тосьна симатисьна / хоршо?*; *Халашо пасматли / тибе само боше скока нада / гавали харашо* и др.

Обычно в пиджине употребляются формы, соответствующие формам повелительного наклонения русского языка второго лица единственного числа, реже – множественного. Другие формы повелительного наклонения, свойственные русскому языку, в пиджине отсутствуют, например глаголы в форме изъявительного наклонения (прошедшего и будущего времени): *Поговорим!*; *Пошел отсюда!*; в сослагательном наклонении: *Ты бы послушал!*; *Ты бы посмотрел!*; в форме инфинитива типа: *Молчать!* и др.

В китайском языке особых форм повелительного наклонения нет. Значение волеизъявления выражается глаголами с добавлением служебных частиц. Например, *看看吧!* *Kankan ba!* – посмотри! (*看 kan* – «смотреть», глагол в редупликативной форме + *吧 ba* – служебная частица). Как правило, в таких конструкциях глаголы, выражающие волеизъявление (в нашем случае – просьбу к собеседнику), выносятся в первую позицию, становятся в начале предложения так, как в приведенных выше примерах из дальневосточного варианта русско-китайского пиджина.

Заметим попутно, что грамматическим средством оформления побудительных конструкций в обоих языках (русском и китайском) является побудительная интонация.

7. Частое использование схемы строения китайского предложения с препозицией объекта. Например: *класна есть* (красный цвет имеется); *куртка чёлны есть* (чёрный цвет имеется); *малиника есть* (маленький размер имеется); *всё есть* (всё имеется); *дёшева есть* (дешевые товары имеются); *холоши есть* (хорошие товары имеются); *Ты какая товала есть?* (Какие товары у вас есть?); *Я вся товала есть* (У меня всё есть) и др.

В подобных примерах, во-первых, «глагол *быть* в форме настоящего времени *есть*... выступает в значении наличия, бытия чего-либо (к примеру, сообщает о наличии товара)» [7, с. 138]. Он выступает в функции сказуемого. Во-вторых, одной из структур китайского предложения является препозиция объекта. Если объект определен, то он часто выдвигается в начало предложения (O + S + V). Например, *这本书我读了* *Zhe ben shu wo du le* (Эту книгу я читал): *这 Zhe* – этот, *本 ben* – счетное слово для книг, *书 shu* – книга, *我 wo* – я, *读 du* – читать, *了 le* – частица для обозначения завершенности действия.

Итак, анализ грамматических особенностей дальневосточного варианта русско-китайского пиджина свидетельствует о его своеобразии, которое проявляется в следующем:

1. Носители пиджина используют в своей речи типичные грамматические формы и конструкции: особые конструкции утвердительно-отрицательного вопросительного предложения; модальные глаголы со значением волеизъявления, желанья, намерения, соответствующие русскому предикату **надо** в безличном предложении; фиксированный порядок слов, предлоги и послелог; особый тип «согласованных» определений (в русском понимании не по форме, а по смыслу); ограниченное количество словоформ русского языка во всех случаях общения на пиджине; отсутствие словоизменения частей речи и мн. др.

2. Типичные грамматические формы и конструкции дальневосточного варианта русско-китайского пиджина сходны по значению, структуре и условиям употребления с подобными формами и конструкциями разговорного китайского языка, что свидетельствует о том, что носитель пиджина думает по-китайски и осуществляет в процессе коммуникации с говорящим на русском языке буквальный перевод грамматических форм и конструкций на особый «русский» язык.

3. Наблюдения подтверждают гипотезу о грамматической основе дальневосточного варианта русско-китайского пиджина, согласно которой он не является обычным упрощенным языком. Такой язык возникает на стадии прагматического кода, когда контактирующие на рынке люди не знают языка друг друга. В нашем случае это носители русского и китайского языков. В этой ситуации используются лексические средства русского языка, а грамматика в большинстве своем остается китайской. Главные носители пиджина, китайцы-торговцы, используя минимум лексических средств русского языка, думают по-китайски, опираясь на грамматику родного, китайского языка, которая существенно отличается от русской.

Таким образом, дальневосточный вариант русско-китайского пиджина представляет собой продукт полной перестройки двух взаимодействующих языков – русского и китайского на приграничной территории, возникший в определенных социальных условиях. Лексическая основа его – русский язык с небольшими вкраплениями китайского, грамматическая основа – китайский язык.

Список источников

1. **Бондалетов В. Д.** Социальная лингвистика. М.: Просвещение, 1987. 159 с.
2. **Вахтин Н. Б., Головкин Е. В.** Социоллингвистика и социология языка. СПб.: Гуманитарная академия; Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.
3. **Виноградов В. А.** Пиджины // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Яреца. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
4. **Гао Минкай.** Проблемы частей речи в китайском языке // Вопросы языкознания. 1955. № 3. С. 42-53.
5. **Жданова Н. А.** Русско-китайский пиджин Забайкалья среди других форм современных контактных языков // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10. Ч. 1. С. 84-88.
6. **Мечковская Н. Б.** Социальная лингвистика. Изд-е 2-е, испр. М.: Аспект Пресс, 2000. 207 с.
7. **Оглезнева Е. А.** Русско-китайский пиджин: опыт социоллингвистического анализа. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2007. 264 с.

8. **Перехвальская Е. В.** Сибирский пиджин (дальневосточный вариант). Формирование. История. Структура: автореф. дисс. ... д. филол. н. СПб., 2006. 51 с.
9. **Цзян Ин.** Русский язык в приграничном Китае (на материале текстов китайских рекламных вывесок на русском языке г. Хэйхэ, провинция Хэйлунцзян): дисс. ... к. филол. н. Благовещенск, 2017. 285 с.
10. **Ян Цзе.** Забайкальско-маньчжурский препиджин: опыт социологического исследования // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 67-74.
11. **荣洁.**中俄跨文化交际中的边缘语 (Жун Цзе. Русско-китайский пиджин в межкультурной коммуникации // Вестник Института иностранных языков НОА. 1998. № 1. С. 39-44).
12. **马娜, 丁淑琴.** 哈尔滨地区的中俄混合语及其构词模式 (Ма На, Дин Шучинь. Харбинский русско-китайский пиджин и способы словообразования // Филологический научный журнал. 2011. № 5. С. 54-55).

GRAMMATICAL PECULIARITIES OF THE FAR EASTERN VARIANT OF THE RUSSIAN-CHINESE PIDGIN IN THE BORDER RUSSIAN-CHINESE AREA

Jiang Ying, Ph. D. in Philology
Li Xin, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Heihe University, The People's Republic of China
ju83626@163.com; lixin558@aliyun.com

The article deals with the problem of interaction between the Russian and Chinese languages in the border area of the Russian-Chinese territory (Russian Federation, Blagoveshchensk; People's Republic of China, Heihe), where the Far Eastern variant of the Russian-Chinese pidgin is used as a means of communication. The authors analyse its grammatical peculiarities. The research of this variant of pidgin has shown that it is not so much a simplified language as the result of the significant restructuring of the two interacting languages. It originated and is used on the lexical basis of the Russian language and the grammatical basis of the Chinese language as an isolating language. This is a model of a contact language conditioned by its pragmatic function.

Key words and phrases: Far Eastern variant of pidgin; Russian-Chinese pidgin; morphological and syntactic peculiarities; Russian language; Chinese language; interference; isolating language.

УДК 811

Дата поступления рукописи: 08.04.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.90>

В статье проводится анализ особенностей англицизмов во французском языке во франкоговорящей провинции Канады Квебеке. Количество заимствований из английского в Квебеке во много раз превышает их количество во Франции. Появление англицизмов во французском языке объясняется необходимостью заполнения лакун словарного состава родного языка в связи с развитием современных технологий и появлением новых терминов. Выявляется, что распространению заимствований из английского языка способствуют средства массовой информации, особенно прямая речь, цитаты. Отмечается, что англицизмы, проникая на территорию Квебека, подвергаются влиянию грамматических правил французского языка.

Ключевые слова и фразы: заимствования; англицизмы; французский эквивалент; лингвистическая политика сохранения родного языка; словарный состав языка; синоним.

Шамсутдинова Альбина Равилевна, к. филол. н.

Теганюк Валерия Викторовна, к. филол. н.

Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма, г. Казань
shamsutdinova-1@mail.ru; kval111@rambler.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ АНГЛИЦИЗМОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ В ПРОВИНЦИИ КВЕБЕК

В любом языке понятия, значения, явления выражаются, прежде всего, в исконно национальных словах, но иногда научные, общественно-политические, технические, экономические и другие понятия не находят полного, равнозначного значения в отдельных национальных языках [1, с. 71]. В таких случаях появляется необходимость в заимствованиях из других языков. Слова, заимствованные из английского, переходят во французский язык, на котором говорят во Франции, Бельгии, Швейцарии, Канаде и других странах.

Существует мнение о том, что во Франции появление англицизмов происходит через профессиональные сферы, такие как маркетинг, политика, музыка и т.п., тогда как в провинции Канады Квебеке заимствования из американского английского пополняют словарный запас местного населения в связи с тем, что жители Квебека ежедневно их слышат, что объясняется территориальным расположением провинции.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения заимствований как показателя отражения изменений, происходящих во французском языке под воздействием различных факторов, прежде всего таких, как потребность быстро заполнять пробелы в лексической системе профессионального или бытового языка, а также знакомство с новыми англицизмами с помощью средств массовой информации. Этот вопрос